

UDC 930.2

**SOVIET GEORGIA ATTAINMENTS AND LOSSES IN 1920-1930
ACCORDING TO MODERN GEORGIAN HISTORIOGRAPHY
ESTIMATIONS AND PUBLIC CONSCIENCE***Tatyana P. Khlynina*

Southern Scientific Centre of RAS
41 Chekhova Pr., Rostov-on-Don 344006
Doctor of History, leading research scientist
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

The article presents the analysis of the events, concerned with the Soviet statehood formation and development of Georgia in 1920-1930 by modern Georgian historiography and shows interrelation between professional interest to the past and present political situation.

Keywords: historiography, Georgia, Soviet Russia, Democratic Republic of Georgia, XI army, public conscience, South Ossetia, Abkhazia, Adzharia.

События последних лет, до предела обострившие российско-грузинские отношения и поставившие под сомнение саму возможность их дальнейшей нормализации, вновь актуализировали, казалось бы, уже пережитые тяготы совместного прошлого. Оно все чаще присутствует в публичном дискурсе политических деятелей и выступает в качестве арбитра разрешения межгосударственных споров и вооруженных конфликтов. Нарастающая негативная риторика во взаимоотношениях двух стран давно уже утратила свою непосредственную связь с реалиями прошлого и апеллирует к его современным истолкованиям. При этом наиболее болезненно исторический опыт переживается грузинской стороной, видящей в нем живое напоминание «попрапия национального достоинства и вмешательства во внутренние дела суверенного государства». Причинами тому оказываются состояние массового исторического сознания, которое в отличие от профессиональной историографии намного раньше включилось в процесс «переосмысления предшествующего интеллектуального опыта и созидания новой, “своей” истории» [1], а также окончательная девальвация ее советской разновидности.

В начале 1990-х гг., когда процессы гласности и демократизации общественной жизни окончательно разрушили образ «великой страны», а ленинская формула «Россия – тюрьма народов» получила свое новое наполнение, Грузия одной из первых советских республик, наряду с Прибалтикой, выступала за реализацию конституционно декларируемого права наций на самоопределение. В этом своем стремлении к обретению национальной самостоятельности она опиралась на ярко выраженные представления массового сознания о древних традициях грузинской государственности, связанных с именами Давида IV Строителя, царицы Тамар, Ираклия II, чья деятельность была широко известна и за пределами республики. По признанию специалистов, «это требование стало, по существу, общенациональным, в исторической необходимости выполнения которого в Грузии почти никто не сомневался... Грядущее обретение независимости логично укладывалось в исторический контекст многовековой традиции грузинской государственности и, в частности, воспринималось, как продвижение опыта национальной государственности, который Грузия обрела в начале XX в.» [2].

Собственно, сквозь призму данного восприятия и выстраиваются отношения общественного сознания, формирующей и выражающей его чаяния национальной историографии с прошлым Грузии, черной полосой которого на сегодняшний день признается ее нахождение в составе имперской, а затем и советской России. Однако если в оценках «поглотившей» Грузию Российской империи еще сохраняется положительная тональность, связывающаяся с «исчезновением опасности раскола страны и народа», когда «грузинские царства и княжества объединились в пределах одной империи» и «перед ними открылся путь европеизации» [3], то советская история видится исключительно в негативном свете. Предельной формой ее оценки стало открытие в рамках празднования 15-летия независимости Грузии в мае 2006 г. музея советской оккупации в Тбилиси. В его экспозиции были представлены приказы о расстрелах, личные дела репрессированных в годы советской власти, архивные фотоматериалы и ленты кинохроники. Показательно, что деятельность самых «знаменитых» грузин XX в. И.В. Сталина и Л.П. Берии своего освещения в нем не получила. По замыслу создателей музея, чья идея была заимствована у уже действующих экспозиций Риги и Вильнюса, он должен стать «хорошей школой для всех грузин, особенно для молодежи» [4]. В учебнике по истории Грузии, охватывающем XIX и XX вв., особо отмечается, что ее новейшая история «начинается с последней даты новой истории (26 мая 1918 г.), т.е. с восстановления независимости и национальной государственности Грузии. Правда, в 1921 г. Россия повторно захватила Грузию и превратила ее в часть новой советской империи» [5]. Как свидетельствует анализ новейшей (доступной русскоязычному читателю) грузинской историографии, претензий по существу к советской России две. Одна из них относится к «отобранной у грузинского народа исторической перспективы самостоятельного существования» и навязанной ему тоталитарной модели исторического развития. Другая, – сопряжена со злонамеренностью национальной политики Москвы, направленной на построение такого государства в Грузии, у которого в принципе не могло бы быть никакого будущего, кроме советского.

К нереализованной исторической перспективе начала прошлого столетия относится краткая, но по признанию грузинской историографии, «весьма многообещающая» судьба Демократической Республики Грузия (ДРГ). Так, «в массовом сознании время существования ДРГ сегодня рассматривается как один из самых ярких эпизодов отечественной истории. Возникновение республики представляется актом исторической справедливости, реализацией вековых чаяний и надежд грузинского народа, всегда стремившегося к национальной государственности. ДРГ предстает как государство, основанное на стремлении ее руководителей воплотить в жизнь исповедуемые ими социал-демократические идеалы. В результате в ДРГ была «создана прогрессивная для своего времени конституционно-правовая система, проводилась демократическая социальная политика, гражданские свободы обеспечивали как права индивидов, так и этнокультурные потребности национальных меньшинств» [6]. Память о первой демократической республике была удостоена и специального государственного праздника, призванного подчеркнуть преемственность между идеалами ДРГ и стремлениями современного грузинского руководства к созданию «сильного, демократического и правового государства».

Столь пристальное внимание к событиям новейшей истории объясняется не только историоцентричностью грузинского общества (термин, предложенный Ю. Анчабадзе) и его умелым использованием в публичной политике, но и особенностями самой грузинской историографии, которая сосредоточив свои усилия на изучении древней и средневековой истории, не проявляла должного интереса к ее советской составляющей. Преодоление сложившейся ситуации началось с осознания

необходимости обретения Грузией долгожданной самостоятельности, что потребовало и научного объяснения ее «национальной катастрофы» в текущем столетии. Именно тогда усилия исторической общественности были направлены на подготовку новой государственной программы по изучению прошлого Грузии в школе, где в отношении его советского периода требовалась «кардинальная перестройка». В разрабатываемые во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. учебники стали вводиться так называемые «дискуссионные вопросы», предназначенные для «развития у учеников самостоятельного мышления» [7]. Одним из таких вопросов оказалась и история первой демократической республики. В учебнике М. Вачнадзе, В. Гурули, М. Бахтадзе «История Грузии с древнейших времен до наших дней» Грузинской Демократической Республике и национально-государственному строительству посвящена отдельная глава [8]. В ней особо подчеркивается «независимый характер» первой демократической республики, нашедший свое отражение в принципах функционирования и построения «восстановленной грузинской государственности»: «В октябре 1918 года высший законодательный орган Демократической республики Грузия – Национальный Совет был назван Парламентом Грузии. В начале 1919 года на основе демократического избирательного закона состоялись выборы нового высшего законодательного органа страны – Учредительного Собрания... Для решения сложнейших проблем национально-государственного строительства правительство республики Грузия имело слишком мало времени. Вместе с тем процесс этот протекал в тяжелой военно-политической ситуации и в сложной внутренней и внешней обстановке. Несмотря на все это были достигнуты большие успехи, которые увенчались созданием Конституции Демократической республики Грузия, утвержденной Учредительным Собранием Грузии 21 февраля 1921 года. Конституция Грузии 1921 года была большим достижением грузинского политического мышления. Она была разработана с учетом опыта передовых демократических стран того времени» [9].

В академической науке Грузии путь реабилитации первой республики начался задолго до рассматриваемых событий и оказался не столь однозначным. В 1971 г. в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Джавахишвили АН ГССР состоялась защита докторской диссертации старшего научного сотрудника У.И. Сидамонидзе «Историография буржуазно-демократического движения и победа социалистической революции в Грузии (1917–1921 гг.)», где впервые на столь высоком уровне признавалась «прогрессивность провозглашенной грузинскими меньшевиками демократической республики». Однако уже спустя несколько месяцев Тбилисский горком партии принял постановление об ошибках, допущенных У.И. Сидамонидзе в оценке ряда событий грузинской истории, и аннулировал факт состоявшейся защиты [10]. В 1990 г. диссертация была защищена повторно, уже в форме научного доклада. Ее название в соответствии с духом времени претерпело надлежащие изменения, акцентируя внимание на «актуальных вопросах национальной истории». Анализируя публицистическое наследие и деятельность ряда грузинских большевиков (Г.К. Орджоникидзе, Ф. Махарадзе, А. Джапаридзе), автор пришел к выводу, что они «активно боролись против грузинских национальных интересов», отрицательно относились к «грузинскому национальному вопросу», тем самым, потерпев на начальном этапе политическое поражение [11]. В отличие от них национальные демократы «создавали и строили Грузинскую демократическую республику – национальное государство, восстановив государственность Грузии» [12]. Тем самым, возникновение ДРГ рассматривается в качестве возрождения насильственно прерванной традиции и связывается с «наступлением в 1917 г. благоприятных условий для восстановления независимого грузинского государства» [13].

В то же время в современной историографии постперестроечного периода остается открытым вопрос о «массовом движении за достижение полного политического и экономического суверенитета, которое охватило всю республику». В данной связи отмечается, что главной целью созданного в октябре 1917 г. интерпартийного совета являлось «сохранение единства с Россией и восстановление революционной власти». И только роспуск Учредительного собрания повлек за собою осознание необходимости отделения Закавказья от России [14]. Строительство национальной государственности, вдохновленное «высокими демократическими принципами», сталкивалось с рядом серьезных проблем, порожденных не только экономическим кризисом: «В 1918–1920 гг. произошло три крупных восстания в Шида Картли (Южная Осетия) против грузинской администрации» [15]. Причинами их называются установление в этих районах советской власти и «назревающее желание» присоединиться к РСФСР [16]. На страницах школьного учебника под редакцией профессора П. Ломашвили «столь печальный эпизод» из жизни республики объясняется следующим образом: «В тот период компактно проживающие на территории Самачабло осетины имели право национально-культурной автономии. Это право правительство Грузии признавало за всеми народами, проживающими на территории демократической республики. Советская Россия пообещала осетинами территориально-политическую автономию в том случае, если они восстанут против Грузии... Осетины официально потребовали отделения от Грузии и присоединения к Советской России. 23 марта 1920 г. Кавказское Бюро РКП(б) создало Революционный комитет «Южной Осетии», который объявил этот исторический регион Грузии (Самачабло) «неотъемлемой частью» России. Бунтовщики цинично заявляли, что «Южная Осетия никогда не была и не будет» частью Грузии. В одном из «меморандумов» Ревкома говорится, что «Южная Осетия» не войдет в состав Грузии даже в случае ее «советизации»» [17].

Тем не менее, несмотря на существующие расхождения в оценке ряда факторов и обстоятельств, вызвавших к жизни ДРГ, грузинская историография едина в определении причины ее исчезновения и весьма короткого существования. Таковой единодушно признана политика советской России, ставшая прямым продолжением «глобальной захватнической политики русского царизма». На страницах того же учебника подчеркивается, что «со дня объявления советской власти в Грузии, в республике утвердился военно-оккупационный режим. Власть фактически захватила Красная Армия, а формально – ревком. Ревком Грузии был назначен Москвой, а губернские, городские и окружные ревкомы – ревкомом Грузии. Даже сельские ревкомы утверждал ревком Грузии. Их целью являлось разрушение государственного аппарата демократической Республики Грузия, что и было успешно осуществлено» [18]. При этом ситуация того времени рассматривается вне происходивших событий, осложнивших не только внутривосточное положение советской России, но и демократической Грузии. Советское «вторжение» на территорию суверенного грузинского государства было спровоцировано как доктринальными побуждениями советского режима, находившими поддержку со стороны «грузинских сепаратистов», так и необходимостью решения геополитических задач по обеспечению его безопасности.

В грузинской историографии подробно излагается процесс подготовки и проведения советской «военной агрессии» против независимых закавказских государств: «Одержав победу в гражданской войне, Советская Россия стала готовиться к завоеванию независимых закавказских государств. Явную агрессию против Грузии, Армении и Азербайджана в Москве было решено завуалировать установлением советской власти». В отношении молодой грузинской демократии завуалированный советский экспансионизм выглядел следующим образом: «Официальные

государственные органы России распространяли слухи о том, якобы в Грузии сосредотачивались силы, создающие опасность северному соседу. Ходили также слухи, будто правительство независимой Грузии подавляло борьбу рабочих и крестьян за советскую власть, и восставшие трудящиеся просят помощи у Советской России» [19]. В январе 1920 г. был окончательно уточнен план «войны» с Грузией. 11-ая Красная Армия должна была вступить на территорию Грузии «для оказания помощи восставшим». В ночь на 11 февраля 1921 г. в русских селах Борчалинского уезда началось восстание, которое «советская пропаганда окрестила “восстанием грузинских трудящихся”. Фактически это было нападение XI Красной Армии на независимую Грузию». 12 февраля начались военные действия, ведшиеся с попеременным успехом. 24 февраля 1921 г. грузинская сторона приняла решение об отступлении и создании новой линии обороны близ Тбилиси.

В сложившейся военно-стратегической ситуации вооруженные силы ДРГ не смогли обеспечить оборону города. Началось отступление частей грузинской армии и Народной гвардии в направлении Мцхета. 25 февраля в Тбилиси вошли части XI Красной Армии. Правительство Грузии перешло в Батуми, а уже 17 марта отправилось в эмиграцию. С целью предотвращения расправы над мирным населением его глава Н. Жордания оставил в Батуми делегацию для переговоров с представителями советской России для прекращения военных действий. 17–18 марта на состоявшихся в Кутаиси переговорах было подписано соглашение о прекращении военных действий. Несмотря на категорическое требование российской стороны, грузинская делегация не подписала акта о капитуляции. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Турция попыталась занять Батуми. Вооруженные силы ДРГ при поддержке частей XI Красной Армии предотвратили оккупацию города. Таким образом, «война между Грузией и Россией закончилась завоеванием Демократической независимой Грузии Советской Россией» [20].

К сожалению, пафос обличения «советских злодеяний» не позволяет современным грузинским исследователям обратиться к историографическому наследию еще совсем недавно воспеваемого социалистического прошлого. Несмотря на идеологическую ангажированность и ограниченность подлежащего изучению сюжетного ряда, ему все-таки удалось передать неоднозначность происходивших тогда событий, опираясь на документальные свидетельства того времени. Опубликованные и находящиеся в архивохранилищах, как Грузии, так и России разнообразные документы – от писем трудящихся до политдонесений ОГПУ – свидетельствуют о том, что так называемые слухи об «обращении грузинских трудящихся за помощью к советской России» отражали не только реальное положение дел, но и имели довольно широкое хождение.

Примечательно, что выступления в поддержку советской власти абхазских и южноосетинских большевиков расцениваются грузинской историографией в качестве «актов сепаратизма». Так, на страницах уже цитированного школьного учебника отмечается то особое внимание, которое демократическое правительство Грузии уделяло борьбе за сохранение территориальной целостности страны и выстраиванию нормальных отношений с Абхазией, чему активно препятствовали «Россия и Турция, всячески поддерживая ее сепаратистские устремления»: «В марте 1918 года активизировались абхазские большевики. Они требовали установления советской власти в Абхазии и соединения Абхазии с Советской Россией. В Абхазию из Советской России вступил казачий красный отряд, которому удалось разбить части грузинской армии и занять Сухуми. В мае 1918 года грузинская народная гвардия ... нанесла жестокое поражение сепаратистам, а также турецкому десанту, пришедшему им на помощь. После восстановления государственной независимости правительство Демократической республики Грузия пыталось разрешить абхазский вопрос без

кровопролития» [21]. В марте 1919 г. после ряда вооруженных столкновений и согласования позиций Народный Совет Абхазии принял Акт о вхождении Абхазии в состав Грузии на правах автономии, что и было утверждено Учредительным Собранием Грузии. Конституция Грузии 1921 г. присвоила Абхазии право автономного управления внутренними делами.

Более сложная ситуация сложилась в Южной Осетии, где «советская Россия пытались придать сепаратистскому движению этнический, религиозный или аграрный характер. В действительности ее цель состояла в разъединении исторической территории Грузии, которое должно было воспрепятствовать стремлению грузинского народа к независимости». В 1918 г. Народная гвардия Грузии и грузинская армия подавили в Шида Картли «мятеж осетинских изменников». Однако «осетинское сепаратистское движение» вновь активизировалось в связи с продвижением Красной Армии к границам Закавказья. Южноосетинские большевики требовали вхождения в состав советской России. В 1920 г. частями регулярной грузинской армии выступление в Шида Картли было подавлено и восстановлена юрисдикция Грузии. При этом грузинская историография как-то забывает о периоде турецкой оккупации территорий Южной и Юго-Западной Грузии, а также подписанном в июне 1918 г. между правительствами ДРГ и Турции договоре, согласно которому «сепаратистская» территория отходила последней. И только поражение Турции в Первой мировой войне сохранило целостность Грузии.

Несколько иная тональность звучит в оценке событий, происходивших в Аджарии, территория которой согласно Мудросскому соглашению была занята английскими войсками: «Англичане, как и турки, сильно притесняли население, придерживающееся грузинской ориентации. В это тяжелое время в сплочении сил прогрузинской ориентации большую роль выполнил видный политический деятель Мемед-бег Абашидзе. Бок о бок с ним стояли Аслан-бег Абашидзе, Зиа-бег Абашидзе и другие патриоты. По инициативе Мемед-бега Абашидзе и под его руководством 31 августа 1919 года в Батуми состоялся съезд представителей грузинских мусульман. На съезде было выдвинуто требование о воссоединении Аджарии со своей родиной Грузией. Это была большая победа общегрузинского дела» [22]. Как показали последующие события, «верность общегрузинскому делу» способствовала сохранению бесконфликтных отношений Аджарии с грузинским руководством.

Дальнейшая судьба автономных образований и связанного с ними национально-государственного строительства оказалась тесно связанной с «российским оккупационным режимом», который не удовлетворился «завоеванием Грузии и созданием подвластного ему правительства. Теперь Москва приступила к осуществлению своего вероломного плана – разделению Грузии на автономные единицы». В марте 1921 г. в Батуми под руководством Г.К. Орджоникидзе состоялось заседание представителей Кавказского бюро ЦК РКП(б), ЦК компартии Грузии и Ревкома Абхазии, принявшее решение об объявлении Абхазии Советской Социалистической республикой. В современной грузинской историографии данное событие расценивается «абсолютно неправомерным», исходя из незыблемого представления о том, что для защиты интересов абхазского народа достаточно было существование Абхазской автономной республики в составе Грузии». Эта «неоправданность» была прочувствована и советским руководством, по настоянию которого Абхазия, несмотря на новый и вполне самостоятельный статус, оставалась в составе Грузии. Неопределенность ее правового положения нашла отражение и в наименовании республики, ставшей договорной. Согласно Конституции Грузинской Советской Социалистической республики 1922 г., в ее состав вошли на «основе свободного самоопределения» Аджарская Автономная Советская Социалистическая республика, Юго-Осетинская автономная область и Абхазская Советская

Социалистическая республика, которая вплоть до 1930 г. являлась автономной республикой в составе Грузии.

По заключению современного исследователя, «разрешение абхазского вопроса в 20-е гг. было достигнуто путем взаимных компромиссов. Сочетая признание за абхазами права на самоопределение с соблюдением территориальной целостности Грузинской республики, была образована договорная ССР Абхазии в составе ССР Грузии» [23]. В советской историографии договорной статус Абхазии оценивался как результат «особой этнографической близости народов», позволившей связать их «условиями договорной федерации». Причина же его замены в 1930 г. на автономную республику сводилась к «более совершенной форме советской федерации» [24]. Нынешняя историография, не лишенная стремления «показать читателю на основе фактов и документов, как развивались взаимоотношения между грузинами и абхазами, грузинами и осетинами... и какова была роль в этих отношениях царской и советской России», склонна полагать, что виновницей их обострения в первой половине XX в. оказалась все-таки Москва. Осуществив в 1920–1921 гг. советизацию Закавказья, «тоталитарный режим нарушал демократические права как абхазского, осетинского, так и грузинского народов» [25]. Даже несостоятельность упреков абхазских историков, обвиняющих Грузию в ассимиляционной политике, объясняется ее подневольным положением: грузинская сторона «в большей степени была заложницей общесоюзной политики, направленной на усиление объединительных тенденций» [26]. При этом автор данного утверждения оставляет без какого-либо комментария приводимый им же чуть выше факт выполнения в Грузии Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 декабря 1937 г. «О ликвидации национальных районов и реорганизации национальных школ». Оно оказалось выполненным лишь «благодаря ретивому рвению секретаря Абхазокома А.И. Мчеладзе, форсировавшего реализацию этого постановления» [27].

Однако дальнейшая эскалация конфликта, по мнению того же автора, уже не зависела от «советского оккупационного режима» и связывалась с сугубо внутренними причинами. Так, в качестве одной из них, приведшей к абхазо-грузинским столкновениям в 1957 и 1967 гг., называются «проблемы этногенезиса абхазов». Показу влияния «историографических причин» на этническую мобилизацию населения Абхазии посвящена отдельная глава диссертационного исследования, получившая довольно красноречивое название «Историографическое зеркало (дискурс) обострения абхазо-грузинских отношений» [28]. Примечательно, что национальная историография все чаще обращается к осмыслению роли исторической науки в современном мире, отмечая ее «тесную связь с современной политической жизнью». Вместе с тем, в ней нарастает и понимание того, что такого рода положение «не должно препятствовать удовлетворению потребностей общества в объективном знании» и способствовать «усилению объединительных тенденций» [29].

Совершенно иной характер имело создание Аджарской автономной республики, которая по единодушному признанию как советских, так и современных исследователей, «не являлась национальной республикой, созданной на основе осуществления права наций на самоопределение» [30]. Ее появление на политической карте Грузии стало следствием «некоторых внешнеполитических обстоятельств, вытекавших из советско-турецких взаимоотношений» [31]. Как отмечается грузинской историографией, идея автономии Аджарии была популярной в годы существования Демократической республики Грузия, конституция которой утвердила автономию Аджарии в составе Грузии. Однако краткосрочность существования первой демократической республики не позволила ей осуществиться. По окончании Первой мировой войны, во время которой Турцией был оккупирован

Батумский округ, и аннулирования Брест-Литовского договора 16 марта 1921 г. между Россией и Турцией был подписан новый договор о «дружбе и братстве». Согласно ему, Турция не предъявляла претензий на Аджарию при условии предоставления ей автономии. Форма автономии условиями договора не оговаривалась. 16 июля 1921 г. декретом Ревкома Грузинской ССР была создана Аджарская Автономная Советская Социалистическая республика. Высшим органом власти в Аджарии был объявлен меджлис (собрание), которое наделялся правами революционного комитета.

Пожалуй, наиболее болезненным в грузинской историографии остается вопрос о создании автономии Южной Осетии, которое неизменно сопрягается с «происками советской России и осетинских сепаратистов». В 1921 г. Ревком Южной Осетии и большевистские организации приняли решение о целесообразности создания Юго-Осетинской Советской Социалистической республики с центром в Цхинвали, которая добровольно войдет в федеративный союз с Грузией. В образуемую республику должны были войти грузинские села из Горийского, Душетского и Шорапанского уездов. Президиум ВЦИК, рассматривавший это решение, признал необходимым предоставить Южной Осетии статус автономной области. Данное постановление, «принятое против воли грузинского народа» и включившее в состав новой автономии «40 грузинских сел и один город (Цхинвали), в которых проживало около 20 тысяч грузин и всего лишь 1100 осетин», в грузинской историографии и общественном сознании воспринимается как «незаконное и противоестественное. Этническая группа, какими являются живущие в Шида Картли осетины, имеет историческую родину в другом месте. Кроме того, на территории Грузии (в Шида Картли) осетинское население не имело права на автономию, поскольку оно составляло мизерную часть от численности населения этого края Грузии. Интересы грузинского народа ущемлены были также и тем, что к Юго-Осетинской Автономной области были совершенно незаконно присоединены грузинские села и город Цхинвали» [32]. Следует отметить, что Грузия не являлась в этом отношении каким-то особым исключением. Повсеместной практикой в осуществлении национально-государственного строительства того времени являлось создание всевозможных автономных образований, границы и состав населения которых определялись в соответствии с тактическими соображениями власти.

Не меньший ущерб национальным интересам Грузии был нанесен и в связи с построением соседних национальных государств, а также урегулированием отношений с иностранными государствами. Заключенный в 1921 г. между Россией и Турцией Карский договор передавал последней ряд земель Юго-Западной Грузии (провинции Тао, Кларджети, Ардаган – Артаани, Шавшети, Кола); в состав Азербайджанской ССР передавалась восточная часть Грузии (провинция Эрети); в состав Армянской ССР – южной Грузии (районы Лоре и Ташири). Однако апогеем лишения Грузии ее национальных интересов признается возрождение Российской империи в виде созданного на «ее обломках» Советского Союза, в который Грузия вошла в составе Закавказской Федерации. По оценкам грузинских историков, «процесс создания Советской империи всюду проходил болезненно. Особенно болезненно он протекал в Грузии. Это объяснялось тем, что по воле Москвы Грузия, Азербайджан и Армения должны были войти в объединение Советских Социалистических республик не как отдельные республики... Создавая Закавказскую Федерацию, Москва преследовала единственную цель – нанести удар суверенным устремлением грузинского, азербайджанского и армянского народов. Такие понятия, как “Грузия”, “Армения”, “Азербайджан” должны были исчезнуть и вместо них должно было утвердиться новое понятие – “Закавказье”». Созданием Закавказской Федерации непосредственно руководило Кавказское бюро ЦК РКП(б) и лично Г.К. Орджоникидзе. ЦК компартии Грузии поддерживал идею ее создания. Однако в

отношении методов и сроков строительства новой федерации мнения разошлись. Ряд партийных функционеров настаивал на проведении серьезной подготовительной работы с целью исключения насильственных мер; другие полагали необходимым и возможным форсирование объединения трех республик.

В марте 1922 г. между Грузией, Арменией и Азербайджаном был заключен союзный договор, на основании которого и создавался федеративный союз Закавказских Советских Социалистических республик. В декабре 1922 г. в Баку состоялся I съезд Советов Федерации, который высказался за более прочное объединение Закавказских республик и оформил создание Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Таким образом, подготовка к созданию Советского Союза была закончена и 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов утвердил договор о создании Союза Советских Социалистических Республик. В его состав вошли: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Украинская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика и Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика. В 1924 году II Всероссийский съезд Советов утвердил Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Согласно Декларации 1922 г. и Конституции 1924 г. все входящие в Советский Союз республики были суверенными и равноправными. Формально каждая из них имела конституционное право добровольного выхода из Советского Союза. Однако использовать его могла лишь Закавказская Федеративная Республика, так как именно она была объединена в Советский Союз, а не отдельно Грузия.

В 1936 г. VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР утвердил новую конституцию. Политическое руководство страны торжественно объявило, что в Советском Союзе было построено социалистическое общество. Вся власть, как на местах, так и центре принадлежала советам. Конституция 1936 г. ликвидировала Федеративное объединение Закавказских республик и Грузия, Армения и Азербайджан вошли в состав Советского Союза как отдельные союзные республики. На основании Конституции 1936 г. была выработана Конституция Грузинской Советской Социалистической республики, которая была утверждена на VIII Чрезвычайном съезде Советов Грузии в 1937 г. Политическая система Грузии полностью соответствовала политической системе Советского Союза: «Грузия управлялась Москвой как одна из административно-политических единиц Советского Союза (край, область). С этой точки зрения после принятия Конституции 1936 года никаких существенных изменений не произошло, кроме того, что Грузия получила статус союзной республики. В конце 30-х и начале 70-х годов даже намек на суверенитет Грузии не существовало» [33].

Трудно не согласиться с рядом суждений, вменяемых грузинской историографией в вину советскому руководству рассматриваемого периода времени. Однако нельзя не отметить и довольно поверхностный характер подавляющего большинства из них. Едва ли идеи советской власти и осуществляемые ею мероприятия не находили поддержки у определенной части грузинского общества, не обязательно являющейся «абхазскими или южноосетинскими сепаратистами». Более того, их реализация осуществлялась не «далекой и расчетливой Москвою», а местными приверженцами нового режима, чье рвение порою превосходило ее даже самые смелые ожидания. Без учета внутривластного состояния грузинского общества, тех социальных трансформаций, которое оно претерпело в предвоенные годы, трудно понять и причины современных войн памяти, а также роли в их эскалации национальной историографии.

Осмысление проблем, связанных с национально-государственным строительством в современной Грузии, все еще остается процессом болезненным и

ангажированным текущей политической конъюнктурой. Остро осознаваемое массовым сознанием величие национальной истории требует своего подтверждения в многовековых традициях грузинской государственности, а стремление к сохранению территориальной целостности страны предопределяет построение и соответствующего образа «некогда единой демократической Грузии», существование которой было насильственно прервано агрессией со стороны советской России.

Вместе с тем, поиск виновников «крупнейшей национальной катастрофы грузинского государства в XX веке» выводит национальную историографию (зачастую вопреки официальным идеологическим установкам и мифологемам общественного сознания) на принципиально иной сюжетный ряд, множественность участников которого требует более всеохватного истолкования причин и последствий самого процесса национально-государственного строительства. Предметом обсуждения становятся не только перипетии российско-грузинских отношений, приведших к установлению в Грузии «советского оккупационного режима», но и неудачи национального движения, направленного на восстановление независимости Грузии, роли в его поражении внутренней разобщенности и международной дипломатии. Однако наметившиеся тенденции к сциентизации исследовательской практики в этом направлении весьма непрочны и в большей степени, чем когда-либо зависят от потребностей и выбора дальнейшего развития современного грузинского общества. Каким он будет – покажет время.

Примечания:

1. Анчабадзе Ю. Национальная история Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 2003. С. 159.
2. Там же. С. 161.
3. Цихистави Н. Россия в грузинских учебниках истории // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения. М., 2003. С. 259.
4. Музей советской оккупации открылся в Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.travel.ru/news/2006/05/26/89872.html>
5. Цихистави Н. Указ. соч. С. 260.
6. Анчабадзе Ю. Указ. соч. С. 161.
7. Цихистави Н. Указ. соч. С. 261.
8. http://www.krotov.info/lib_sec/04_g/ruz/ia_kr5.htm
9. Там же.
10. Сидамонидзе У.И. Историография демократического движения и установление советской власти в Грузии (1917–1936 гг.). Дис... доктора исторических наук в форме научного доклада. Тбилиси, 1990. С. 3.
11. Там же. С. 19.
12. Там же. С. 7.
13. Там же. С. 45.
14. Ментешашвили А.М. Политическая история Грузии 1917–1921 гг. Дис... доктора исторических наук в форме научного доклада. Тбилиси, 1991. С. 24.
15. Ю. Анчабадзе в качестве весьма показательной тенденции в развитии современной грузинской историографии отметил факт «практически “полного изгнания” из языка некогда широко распространенного в грузинской исторической литературе топонима Южная Осетия, который заменяется словосочетанием Цхинвальский регион (если авторы трактуют современные проблемы), или же средневековыми грузинскими Самачабло или Шидо Картли (если речь касается исторического контекста). В качестве основной причины замены называется “искусственность”, “изобретенность” наименования Южная Осетия, введенного большевиками для того, чтобы оправдать образование в 1921 г. в Грузии Юго-Осетинской автономной области» (Анчабадзе Ю. Указ. соч. С. 172).
16. Ментешашвили А.М. Указ. соч. С. 45.
17. Цихистави Н. Указ. соч. С. 261–262.

18. Там же. С. 263.
19. http://www.krotov.info/lib_sec/04_g/ruz/ia_kr5.htm
20. Цихистави Н. Указ. соч. С.263.
21. http://www.krotov.info/lib_sec/04_g/ruz/ia_kr5.htm
22. Там же.
23. Лежава Г.П. Основные этапы и этнополитические факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). Автореф. дис... доктора исторических наук. М., 1996.
24. Менабзе А. Некоторые вопросы развития грузинской национальной государственности. Тбилиси, 1970. С. 139–140.
25. Ментешашвили А. Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тбилиси, 1998. С. 8–9.
26. Лежава Г.П. Указ. соч. С. 27.
27. Там же. С. 25–26.
28. Там же. С. 32.
29. Там же. С. 12.
30. Менабзе А. Указ. соч. С. 138.
31. Там же. С. 137.
32. http://www.krotov.info/lib_sec/04_g/ruz/ia_kr5.htm
33. Там же.

УДК 930.2

**ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ 1920–1930-х гг.
В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

Хлынина Татьяна Павловна

ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону, Россия.
344006, г. Ростов-на-Д., пр. Чехова, 41.
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Статья посвящена анализу современной грузинской историографией событий, связанных со становлением и развитием советской государственности Грузии в 1920 – 1930-х гг. Показана взаимосвязь между профессиональным интересом к прошлому и политической конъюнктурой времени.

Ключевые слова: историография, Грузия, советская Россия, Демократическая Республика Грузии, XI армия, общественное сознание, Южная Осетия, Абхазия, Аджария.